Научная статья
УДК 347.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1737

Mikhail Alekseevich Uspenskiy
Postgraduate of the Faculty of Law,
specialty 5.1.3 —
Private law (civilistic) sciences,
State Academic University
of Humanities
Moscow, Russian Federation
m.uspenskiy@gmail.com

Михаил Алексеевич Успенский
аспирант юридического факультета,
специальность 5.1.3 —
Частно-правовые (цивилистические) науки,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
Москва, Российская Федерация
m.uspenskiy@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩАЮЩИХСЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. *В статье продолжается многолетняя проверка выдвинутой ранее автором гипотезы о квалификации Биткоина и иных цифровых валют в качестве организационных (рамочных) обязательств. Изначально она была разработана на основе российского гражданского права и учения об обязательстве. Теперь же гипотеза получает подтверждение через институты английской правовой традиции, но прежде всего — индийского договорного права как одной из наиболее развитых систем в правоприменении за последние несколько веков. Кроме того, доказано, что протокол Биткоина полностью удовлетворяет всем требованиям, которые Закон о договорах Индии 1872 г. предъявляет к рамочному (зонтичному) соглашению. Три ключевых и наиболее остро стоящих возражения общего права против признания цифровых валют в качестве chose in action: неопределенность существенных условий, отсутствие намерения создать правовые отношения и порок встречного предоставления — не находят подтверждения при внимательном анализе судебной практики и доктрины. Отдельное внимание уделено историческому измерению проблемы: выявлено, что попытки поместить в единую передаваемую оболочку имущественный титул и поведенческий регламент периодически предпринимались в правовой истории — от английских счетных бирок (tally sticks) до немецких горных паев (Kux), — однако неизменно упирались в зависимость от третьей стороны. Протокол Биткоина становится закономерным, но качественно новым завершением этой линии, впервые объединяя обязательства участников и технический регламент в единый оборотоспособный объект гражданских прав. Полученные выводы в силу единства доктринальных корней общего права распространяются на всю его семью — от США до Великобритании и наследников их правовых систем. Тем самым выдвинутая гипотеза обретает подлинно универсальный, наднациональный, гармонизирующий характер, что особенно значимо в условиях трансграничной природы криптовалютного оборота.*

Ключевые слова: *Биткоин, цифровая валюта, криптовалюта, организационное обязательство, рамочный (зонтичный) договор, общее право, договорное право Индии, встречное предоставление, конклюдентные действия, аналогия закона*

Для цитирования: Успенский М. А. Международно-исторический анализ обращающихся обязательств в контексте цифровых валют // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 219—226. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1737.

Original article

INTERNATIONAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF NEGOTIABLE OBLIGATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITAL CURRENCIES

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. *This article continues the long-term testing of the author's previously advanced hypothesis regarding the qualification of Bitcoin and other digital currencies as organizational (framework) obligations. Originally developed on the basis of the Russian civil law and the doctrine of obligations, the hypothesis is now corroborated by reference to the institutions of the English legal tradition, and, above all, to Indian contract law as one of the most developed systems in terms of law-application practice over the past several centuries. It is further demonstrated that the Bitcoin protocol meets all the requirements imposed on a framework (umbrella) agreement under the Indian Contract Act of 1872. The three principal and most pressing objections raised by the common law against recognizing digital currencies as a chose in action – uncertainty of contract terms, absence of intention to create legal relations, and lack of consideration — find no support upon careful analysis of case law and legal doctrine. Special attention is devoted to the historical dimension of the problem: it is revealed that attempts to combine a property title and rules of conduct into a single transferable instrument were periodically undertaken in legal history – from English tally sticks to German mining shares (Kux) – but invariably encountered a dependence on a third party. The Bitcoin protocol represents a logical, yet qualitatively new, culmination of this trajectory, for the first time merging participants' obligations and technical regulations into a single alienable object of civil rights. Owing to the shared doctrinal roots of common law, these findings extend to its entire family – from the United States to the United Kingdom*

and the jurisdictions that inherited their legal systems. Consequently, the proposed hypothesis acquires a truly universal, supranational, and harmonizing character, which is particularly significant given the cross-border nature of cryptocurrency transactions.

Keywords: *Bitcoin, digital currency, cryptocurrency, organizational obligation, framework (umbrella) agreement, common law, Indian contract law, consideration, acceptance by conduct, analogy of law*

For citation: Uspenskiy M. A. International and historical analysis of negotiable obligations in the context of digital currencies. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;3(76):219—226. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1737.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что на протяжении уже более десятилетия доктрина права не находит согласия относительно цивилистической природы цифровых валют и Биткоина в частности. Стремительное развитие цифровых экономик в странах общего права (*common law*) делает недостаточным рассмотрение проблемы исключительно в рамках континентальной правовой системы. Учение об обязательстве, аналогия закона, конструкция рамочного договора традиционно ассоциируются у многих только с романо-германской традицией, что порождает закономерный вопрос: сохраняет ли обязательственное прочтение природы Биткоина свою убедительность за пределами континентального правопорядка.

Изученность проблемы. Проблематика правовой природы криптовалют и Биткоина разрабатывалась ранее автором на основе российского гражданского права применительно к институту организационных (рамочных) обязательств. Вопросы имущественно-правовой квалификации криптовалют по общему праву затрагивались в работах Т. Чана [1], Р. Уолтерса, Б. Зеллера и М. Атертона [2], К. Ф. К. Лоу [3], П. М. Хатавкара [4], Л. К. Альколеа и Я. Михала [5], И. Отабор-Олубора [6], Б. Юаня [7]. Указанные авторы преимущественно сосредоточены на квалификации криптоактивов как объекта права собственности (*property*) в отдельных юрисдикциях общего права, однако вопрос об их обязательственно-правовой (договорной) природе в рамках концепции рамочного соглашения остается за пределами их анализа.

Историко-правовой контекст оборотоспособных инструментов, объединяющих имущественный титул с поведенческим регламентом, освещен Р. М. Розенсвигом [8] применительно к английским талли-стикам.

Отдельные аспекты действительности смарт-контрактов изучали Ф. Бассан и М. Рабитти [9], показавшие эмпирические сложности перехода от смарт-легал-контрактов к контрактам на блокчейне. Технические и правовые основы функционирования протокола Биткоин и блокчейн-технологий раскрыты в работах Дж. Гарая, А. Кияиаса и Н. Леонардоса [10], М. И. Сарвара, Л. А. Маграби, И. Хана, К. Х. Найта и К. Нисара [11], П. Де Филиппи и Б. Лавлака [12], В. Чжу [13], а экономико-правовые последствия распространения смарт-контрактов исследованы Л. В. Конгом и З. Хе [14]. Договорную конструкцию генеральных соглашений *ISDA* как формы регулирования через контракт анализирует М. К. Борович [15], а основы индийского договорного права и его прецедентную базу систематизирует Л. Аквароне [16].

Целесообразность разработки темы определяется тем, что без проверки гипотезы за пределами континентального (и российского в первую очередь) права англосаксонская семья лишилась бы возможности опереться на конструкцию зонтичного соглашения, а международное регулирование еще долго искало пути унификации понимания сущности криптовалют, порождая коллизии и нестыковки между международными антиотмывочными, налоговыми и иными отраслевыми трактовками сущности Биткоина и монет иных блокчейнов первого уровня. Также с учетом трансграничного характера криптовалютного оборота необходим доктринальный ориентир, который может четко изложить правовую природу и статус цифровых валют в странах континентального и общего права. Такой инструмент сможет предоставить судьям общего права возможность более эффективно защищать интересы пострадавшей стороны.

Цель исследования состоит в подтверждении состоятельности выдвинутой гипотезы о квалификации Биткоина и иных цифровых валют в качестве организационных (рамочных) обязательств применительно к правовой семье общего права, в особенности на примере договорного права Индии. Кроме того, работа также нацелена на историко-правовое обоснование закономерности появления подобной правовой конструкции.

Задачи исследования:

– провести историко-правовой анализ оборотоспособных обязательств (талли-стики и *Ких*-паи горнопровышленных товариществ),

– адаптировать выдвинутую гипотезу к особенностям прецедентного права, сосредоточив внимание на системе индийского права,

– преодолеть ключевые возражения общего права против квалификации протокола в качестве договорной конструкции.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые гипотеза об организационном (рамочном) обязательстве монет в блокчейнах, сформулированная на основе континентального права, методично адаптируется к системе прецедентного права на основе судебной практики и передовых разработок ведущих ученых, но прежде всего, конечно же, на примере индийского договорного права, впитавшего в себя англосаксонскую модель, развившего ее интерпретацию и придавшего несомненный местный колорит, лишь еще больше подчеркивающий правильность выбранного доктринального обоснования криптовалют как зонтичных контрактов. Проработав множество иных возражений, академические исследователи общего права вплотную приблизились к трем заветным рубежам — неопределенность существенных условий, отсутствие намерения войти в прочные правовые связи и набившее оскомину отсутствие встречного предоставления (*consideration*), — и настоящая работа позволяет сделать качественный рывок в этих направлениях.

Теоретическая значимость работы заключается в исследовании конструкции организационного обязательства Биткоина и иных цифровых валют. Более того, академическая ценность усиливается погружением в исторический контекст развития оборотоспособных регламентов в гражданском обороте — как в английском прошлом,

так и в германском, — причем на примере того самого горного промысла, за которым в отраслевой лексике закрепилось слово «майнинг».

Практическую значимость несет в себе выработка специального доктринального ориентира для правотворчества и правоприменения в странах общего права на основе предложенной квалификации Биткоина в качестве *chose in action* договорного происхождения. Также отдельно стоит подчеркнуть полезность такого инструмента для судей при разрешении споров, связанных с криптовалютными активами, — он сможет обеспечить юридическую определенность, защиту добросовестных приобретателей и привлечение к ответственности при нелегальных операциях с цифровыми активами.

Методологическую основу исследования составляют как общие, так и специальные юридические методы, в частности историко-правовой, формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой.

Основная часть

В богатой правовой истории человечества периодически возникали ситуации, при которых предметом оборота становился не только результат деятельности, но и совокупность прав и обязанностей участников определенного процесса, упакованная и контейнированная в единый передаваемый инструмент. Например, английские талли-стики (*tally sticks*, XII—XIX вв.) удостоверяли факт исполнения определенного процесса — уплату налога, поставку товара казне — и при этом параллельно активно использовались как средство расчета, причем даже самим эмитентом в лице казначейства (https://habr.com/ru/companies/gazprombank/articles/893802/).

Общепризнанный статус своеобразного учетно-расчетного инструмента талли-стики получили в 1100 г., при Генрихе I. Система просуществовала более семисот лет, однако XIX в. с его экономическими реформами и индустриализацией поставил крест на этой средневековой архаике. В 1783 г. казначейство приступило к постепенному выводу этих инструментов из оборота, намереваясь утилизировать накопившиеся запасы и окончательно перейти на бумажный документооборот. На протяжении столетий казначейство, размещавшееся в Вестминстерском дворце, регулярно уничтожало отслужившие талли-стики, но после упразднения ведомства в 1826 г. на месте осталось их значительное количество. Именно решение дворцового смотрителя по хозяйственным вопросам сжечь талли-стики в печах, а не развести открытый костер или пустить древесину на дрова, обернулось роковой случайностью: 16 октября 1834 г. огонь вышел из-под контроля, положив начало огромному пожару, который уничтожил большую часть Вестминстерского дворца (https://gimms.org.uk/2019/03/08/history-english-tally/).

Долгое время талли-стики служили универсальным средством фиксации долгов, налогов и особенностей их поступлений, но их применение никогда не ограничивалось изначально задуманными функциями. Они сопровождали широкий спектр хозяйственных операций: от крестьянских платежей до крупных государственных сборов, при этом ядром системы оставались денежные требования с участием короны. Поведенческий регламент по их использованию присутствовал как дополнительный и сопровождающий элемент, однако не выкристаллизовался до полного и самодостаточного значения [8].

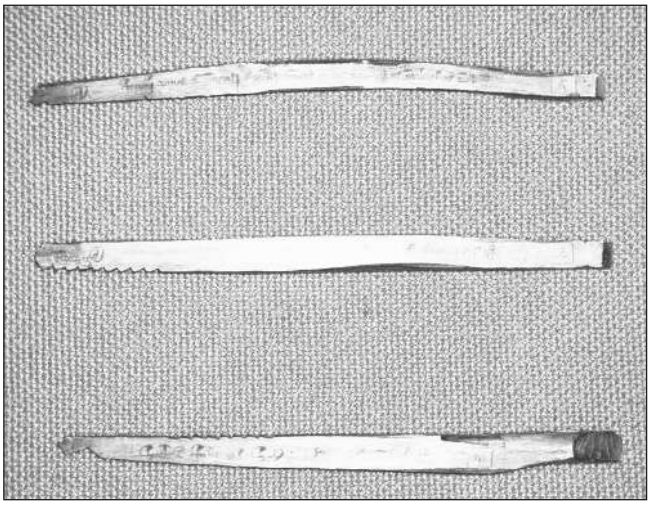

Рис. Талли-стики

Более пристального внимания заслуживает *Kux* — пай горнопромышленного товарищества средневековой и ранней модерной Саксонии, перекидывающий исторический мост к процессу «добычи» (*mining*) Биткоина (https://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=1088&amp,url_tabelle=tab_quelle). Горнопромышленное товарищество (*Gewerkschaft*) являлось особой организационно-имущественной формой по разработке горных месторождений (в отраслевой лексике часто это и называют «майнин»). Структурно имущество товарищества делилось на доли (*Kux*-паи), которые предоставляли право голоса в собрании геверков, право на долю в прибыли (*Ausbeute*) и в то же время обязанность нести довзносы (*Zubuße*). Согласно старому горному праву каждый такой пай являлся эквивалентом 1/128 доли в имуществе всего товарищества. Новое же законодательство перешло к стандарту деления имущества на 100 паев с возможностью дальнейшего разделения вплоть до 1/1000. Также была предусмотрена особая категория паев *Freikuxe*, которая была освобождена от обязательств вносить дополнительные взносы и закреплялась, в частности, за процессом добычи за городом. Это, в свою очередь, демонстрирует, что обязательственная нагрузка пая осознанно прикреплялась к данному инструменту (https://www.retrobibliothek.de/retrobib/seite.html?id=102001). Паи свободно обращались: торговля ими велась на Лейпцигских ярмарках, а в XVI в. *Kuxe* превратились в распространенный объект спекуляции, и одной из значимых площадок их оборота стала Нюрнбергская биржа. Со временем паи стали оформляться по модели предъявительских акций и свободно передаваться, а посредничество в сделках с ними осуществляли присяжные маклеры — *Kuxkränzler*. Не исключено, что паи применялись и при расчетах между торговыми домами наравне с иными коммерческими инструментами подобно тому, как сегодня используется цифровая валюта, а столетиями ранее — вексель.

В конечном итоге данную организационно-правовую форму системно урегулировал Общий горный закон для Прусских государств от 24 июня 1865 г. (далее — *ABG* 1865) (https://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=1088&amp,url_tabelle=tab_quelle). При поверхностном сравнении *Kux* напоминает акцию, однако такая аналогия не совсем точна и не отражает юридическую многогранность инструмента, в том числе в виде оборотоспособных обязанностей. В отличие

от акции, пай нес не только право на прибыль, но и прямую обязанность вносить дополнительные средства при отклонении согласованных показателей процесса горной добычи полезных металлов, в частности серебра.

Держатель пая — *Kuxinhaber* — участвовал в финансировании добычи, нес довзносы и получал долю прибыли. Соблюдение производственного регламента, безопасность работ, исполнение плана горных выработок — всё это возлагалось на отдельный круг лиц: руководителя работ, штейгеров, технических надзирателей, чья пригодность удостоверялась горным ведомством. Хотя соблюдение технического регламента добычи серебра возлагалось только на майнеров и не переходило на держателя инвестиционного титула в оборотоспособном инструменте, тем не менее пай содержал прямое обязательство — довзнос (устоявшийся в судебной практике термин *Zubuße*, хотя сам закон употребляет термин *Beiträge*). При этом он являлся не только центральным, но и не единственным обязательством (§ 102, 129—130 *ABG* 1865), которому сопутствовал ряд процедурных обременений по внесению этих взносов и, конечно же, обязательств финансового толка (их упаковка в обращающиеся правовые «продукты» веками не вызывает особых проблем ни у континентальной, ни у общей системы права: от бондов и векселей до цифровых финансовых активов в России и секьюрити-токенов в США).

Биткоин-протокол упраздняет это разделение, позволяя наконец комфортно погрузить технический регламент в оборотоспособный инструмент, которому при этом становится не нужен ни надзирающий горный чиновник, ни руководитель работ, принимающий на себя ответственность за безукоризненную техническую безопасность и эффективность основных хозяйственных работ по майнингу. В блокчейн-сетях их функции абсорбированы консенсусным механизмом: протокол (т. е. ноды и майнеры, его поддерживающие) самостоятельно верифицирует корректность исполнения контейнированного технического регламента, самостоятельно отклоняет ненадлежащий результат и далее в консенсусах более позднего типа еще и самостоятельно наказывает нарушителя штрафом в рамках процедуры «слэшинга» (*slashing*) — без колебания, без задержки, без усмотрения внешнего субъекта. Юридическое обязательство и технический регламент, наконец, смогли слиться в едином, нераздельном инструменте, воплотившись как в самодостаточную экономическую сущность, так и в обособленный из-за своей уникальности объект гражданских прав.

Гипотеза цифровых валют как *chose in action* в виде контрактной связи — а именно зонтичного договора (*umbrella*, или, как его еще называют, *framework*/*master*-договора) — была впервые представлена на международной арене в стране с глубокой прецедентной наследственностью в ходе Международного академического конклава в Университете Махиндры (Хайдарабад, Индия), на юридическом факультете Университета Дели и в Индийском юридическом институте под патронажем Верховного суда. Она вызвала неподдельный интерес среди индийских юристов, особенно в свете только что рассмотренного на тот момент дела Высокого суда штата Мадрас [*Rhutikumari v. Zanmai Labs Pvt. Ltd.*: (2025) *SCC OnLine Mad* 9290]. Суд постановил, что криптовалюты квалифицируются как «имущество» (*property*) по индийскому праву, что позволило владельцам биткоинов добиваться судебной защиты в отношении заблокированных или оспариваемых криптовалютных активов. Выдвигаемая автором гипотеза не конкурирует с выводом Высокого суда штата Мадрас, а конкретизирует его, отвечая на вопрос о конкретном виде контрактной связи, который суд оставил открытым.

Как наглядно показано далее, Биткоин может органично рассматриваться как организационное обязательство (*organisational framework*) в соответствии с Индийским законом о контрактах 1872 г. (*Indian Contract Act*, 1872, далее — Закон 1872 г.) (https://cag.gov.in/uploads/media/Indian-Contract-Act-1872-20200816140128.pdf), т. е. как рамочное соглашение (*umbrella*, *framework*, *master agreements*) — юридически признаваемые контрактные связи, порождающие реальные обязательства (в первичном значении *binding*, отличая его от enforceable, значимость которого падает в мире самоисполнимых без суда и следствия договоренностей сторон обязательства). Рамочное соглашение, как оно понимается в обывательско-широком смысле и международном, в т. ч. коммерческо-контрактном праве, устанавливает общие процедурные правила, регулирующие будущие взаимодействия, не требуя полного набора элементов для формирования двустороннего договора при каждом отдельном взаимодействии.

Прежде нужно оговориться, что проблемы классификации Биткоина в качестве имущественного права (*chose in action*) как в целом, так и, конечно же, конкретно в виде такого веками зарегулированного института как англосаксонский контракт (договор), имели и имеют еще немало преград в теории и практике: вопросы исключительности (*exclusivity*), конкурентности (*rivalrousness*), отделимости (*separability*) и некоторые другие. К счастью, передовые зарубежные академические исследователи под руководством Баоци Юаня [7] смогли развеять данные сомнения. В результате масштабного анализа были рассмотрены эти возражения, и ни одно из них не препятствует классификации криптовалюты в качестве права требования (*chose in action*). Отдельного внимания заслуживает опора на дело *Armstrong DLW GmbH v. Winnington Networks Ltd.*: (2012) *EWHC* 10 (*Ch*), ставшее фундаментальным для любого серьезного исследования цифровых активов в общем праве: суд признал квоты на выброс парниковых газов как *chose in action*. Не менее показательна и аналогия с молочными квотами, которые английские суды классифицировали аналогично (*Swift v. Dairywise Farms Ltd.*: (2000) 1 *WLR* 1177).

При этом из оставшихся конструктивных выделяются три по-настоящему ключевых, первичных и фундаментальных возражения: неопределенность условий контракта (*uncertainty of contract terms*), отсутствие намерения создать правовые последствия (*absence of intention to create legal relations*) и пресловутое отсутствие встречного предоставления (*lack of consideration*), без которого ни один контракт по англосаксонскому праву нежизнеспособен в принципе, что является вторым по популярности заблуждением в сфере общего права (к первому автор относит анонимность должника-ноды в блокчейне, что досконально проработано для обеих правовых семей в более ранних работах автора по российскому праву).

К сожалению, на текущий момент в индийском кодифицированном праве зонтичные соглашения не имеют отдельного законодательного закрепления, однако судебная практика последовательно признает их действительность при соблюдении трех условий:

1) существенные условия определены или объективно определимы (раздел 29 Закона 1872 г.),

2) стороны явно или подразумеваемо выразили намерение быть связанными в обязательстве,

3) присутствует законное встречное удовлетворение/предоставление (*consideration*).

В последние годы индийская судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию и допустимости в обороте рамочных контрактных связей — от Высокого суда Дели [дело *Sanghvi Movers Limited v. Vivid Solaire Energy Private Limited*: (2022) *SCC OnLine Del* 4423, где мастер-условия признаны «внутренне взаимосвязанными» с последующими заказами] до Верховного суда Индии [дело *Trimex International v. Vedanta Aluminium*: (2010) 3 *SCC* 1, подтвердившее, что поведение сторон может свидетельствовать о принятии рамочных условий даже при отсутствии формального документа]. Однако суды проводят четкую границу: если существенные условия (цена, сроки, объем и/или порядок прозрачного и недвусмысленного определения этих элементов контракта в будущем) оставлены открытыми для будущих переговоров без объективных, четких и непротиворечивых критериев, такое соглашение квалифицируется лишь как необязывающее (*non-binding*) «согласие согласиться» (*agreement to agree*) (*Parsvnath Developers v. Asset Reconstruction Company*: (2026) *Delhi HC*). Согласия согласиться на договор в будущем не являются ни обязывающими в общем праве в целом, ни тем более исполнимыми (*unenforceable contract*).

Аргумент 1. ***Определенность существенных условий***. Раздел 29 Закона о договорах Индии 1872 г. гласит, что соглашения, смысл которых не определен или не может быть определимым, являются недействительными. Однако данное положение носит функциональный, а не формалистский характер. Индийское право не требует исчерпывающей проработки текста контракта, но при этом настаивает, чтобы договорные условия были определенными или объективно определимыми.

Индийские суды неоднократно подчеркивали, что раздел 29 следует трактовать не как требующий абсолютной точности или исчерпывающего определения всех будущих обстоятельств и буквоедства. В деле *Kollipara Sriramulu v. T. Aswathanarayana*: *AIR* (1968) *SC* 1028 Верховный суд Индии постановил, что даже ссылка на намерение исполнять будущий договор достаточна, чтобы привести к возникновению юридически обязывающего рамочно-зонтичного соглашения. Соглашения могут быть обязывающими, если существенные условия в них в достаточной степени определимы и стороны намерены быть ими связаны, даже если документальное оформление предполагается в будущем.

Верховный суд Индии также признал, что обязывающий договор может возникнуть из переписки и хозяйственного взаимодействия, когда существенные условия основного договора (заключаемого после организационного) возможны к определению в будущем. В деле *Rickmers Verwaltung GmbH v. Indian Oil Corporation Ltd.*: (1999) 1 *SCC* 1 Верховный суд подчеркнул, что обязанность судьи состоит в толковании переписки с целью определения, была ли достигнута договоренность, способная создать обязывающий договор. В деле *Trimex International FZE Ltd. v. Vedanta Aluminium Ltd.* суд расценил акцепт, переданный посредством переписки, как способ заключить рамочное соглашение, и подчеркнул, что предполагаемая подготовка более позднего формального документа не отменяет обязывающего характера процедурно-организационной, предваряющей и юридически обязывающей зонтичной сделки.

Этот же паттерн был выявлен в протоколе Биткоина. Как и организационный контракт, он основывается на наборе всеобъемлющих и заранее четко и досконально определенных правил, которые охватывают все аспекты будущего бесшовного функционирования системы, включая способы участия (как майнеров, так и обычных пользователей), порядок проверки транзакций, эмиссию новых монет, подход к отторжению блоков, нарушающих предварительное организационно-правовое обязательство нод по соблюдению консенсуса *PoW*. Будучи общедоступным, с открытым исходным кодом и прозрачным для всех, протокол является юридически обязывающим стандартом поддержания работоспособности сети, единообразно используемым всеми нодами/майнерами-должниками. При этом заранее объявленные процедурно-организационные правила строго следуют математическим доказательствам и проверяются с помощью криптографии, а не суда. Следовательно, условия *Whitepaper* и протокола не являются настолько неопределенными, чтобы воспрепятствовать их признанию легитимным договором по индийскому праву.

Кроме того, такой подход соответствует трактовке рамочных соглашений и в английских судах, где понятные изначальные правила обеспечивают определимость существенных условий, несмотря на то, что будущие детали согласовываются позже [например, в фундаментальном для судов общего права по всему миру английском деле *MRI Trading AG v. Erdenet Mining Corp LLC*: (2013) *EWCA Civ* 156]. Цифровую валюту в виде токенизированного организационного договора при этом не следует приравнивать к «согласиям согласиться» (*agreements to agree*), поскольку детали необходимых условий функционирования сети Биткоин не оставлены для будущих переговоров. Основные правила, касающиеся действительности транзакций, эмиссии и консенсуса, установлены с самого начала. Обновления протокола происходят открыто и дискретными этапами, каждый из которых позволяет участникам продолжить участие или выйти, исключая пересмотр условий в традиционном смысле.

Аргумент 2. ***Намерение войти в юридически обязывающие отношения***. Традиционно намерение создать правовые отношения (*to be bound*, *to enter into a binding agreement*) презюмируется в коммерческих сделках, но отрицается в чисто приятельских, социальных или добровольных контекстах. По индийскому праву признается, что стороны могут согласиться с условиями договора конклюдентными действиями, даже если не было формального письменного документа или подписи. Акцепт может быть выведен из поведения или действий сторон, особенно когда стороны входят в систему, регулируемую фиксированными правилами. Как самый явный пример: электронные договоры признаются действительными, если они включают законную оферту и акцепт, встречное удовлетворение и правомерную цель (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4278497).

Использование сети Биткоин нодой для получения благ в виде монет *BTC* посредством майнинга включает в себя совершение лицом явно преднамеренных, осознанных, нетривиальных, технически непростых и очевидно добровольных действий: приобретение дорогостоящего оборудования, получение и подключение электроэнергии, установку программного обеспечения, его запуск, проверку и передачу транзакций, а в некоторых странах, таких как, например, Российская Федерация, еще и включение в реестр, а также пристальный фискальный и антиотмывочный контроль, возвышая степень экономического вовлечения субъектов в осуществляемые ими хозяйственные операции. Эти факторы всё дальше и дальше отдаляют ноды и майнеров от ни к чему не обязывающих обещаний с бескорыстным и альтруистическим мотивом в основе.

Таким образом, такая волевая и упорная хозяйственная деятельность будет истолкована как признак конклюдентного принятия участником правил и ограничений протокола и в свете индийского контрактного права.

Также еще раз стоит подчеркнуть различие концепций «юридически обязывающего» и «в суде исполнимого» (*enforceable*) контракта в общем праве. Тот факт, что участники сети Биткоин не предполагают обращения в суды, не опровергает *binding* характер договорной связи, а скорее отражает эффективность технологического механизма принудительного исполнения блокчейн-консенсусов, начало снижения влияния судебного принуждения на действительность договора, снижение роли критерия *enforceability* в цифровом контрактном мире и уж никак не отсутствие намерения создать прочную юридическую связь (*binding obligation*). Дополнительным примером может служить такой вид договоров, как генеральное соглашение *ISDA*, в котором аналогичным образом стороны ожидают от своих партнеров исполнения договоренностей без судебных разбирательств [15].

Также не должно смущать скептиков и отсутствие в *Whitepaper* Биткоина привычной для англосаксонских контрактов вязкой юридической лексики и правовых клише, без которых документ являлся бы не договором, а лишь сводом дружеских правил и обещаний. Однако этому можно легко противопоставить позицию о том, что при направленности воли сторон на удовлетворение экономического интереса и имущественной выгоды формулировки языка уступают по важности истинным намерениям сторон. Там, где договоренность предполагает денежную выгоду и явно прослеживаемые экономические интересы, общее право устанавливает сильную презумпцию намерения создать правовые отношения и войти в юридически обязывающую контрактную связь. В деле *Edwards v. Skyways Ltd*: (1964) 1 *WLR* 349 (Англия и Уэльс) суд постановил, что в коммерческом контексте, включающем выгоду в денежном выражении и реальный экономический интерес, возникает сильная презумпция в пользу зарождения прочного договора, даже если используемые формулировки кажутся на первый взгляд лишенными контрактной казуистики. При этом очевидно и общеизвестно, что приход майнеров/нод в сеть Биткоин далек от альтруизма, праздного интереса и благотворительности, что рядовой держатель монет видит в Биткоине «цифровое золото», осколки которого 24/7 обращаются на мировых централизованных и децентрализованных биржах, а капитализация крипторынка превышает уже триллионы долларов США, галопируя в развитии и двигаясь к синергии с технологиями искусственного интеллекта на пути к Интернету нового поколения — *web*3.

Аргумент 3. ***Встречное удовлетворение/предоставление***. Любой контракт по общему праву, в т. ч. зонтичный по индийскому, должен иметь обязательный элемент — встречное предоставление. Встречное предоставление (consideration) является одним из фундаментальных элементов действительного договора в системе общего права, включая индийское право. Согласно ст. 2(d) Закона Индии о договорах 1872 г., встречное предоставление определяется как действие, воздержание от действия или обещание совершить или воздержаться от какого-либо действия, выдаваемое по желанию обещающего. Простыми словами, это «цена» обещания — т. е. то, что сторона получает взамен своего обязательства. Этот элемент имеет фундаментальное значение не только для индийского договорного права, но и в целом для общего контрактного. Встречное предоставление служит объективным доказательством серьезности намерений сторон, подтверждая, что они действительно желают быть связанными прочными обязательствами. Оно также выполняет разграничительную функцию, отделяя обязательства юридического типа от декларативных заявлений, не порождающих правовых последствий. При этом важно понимать, что хотя индийское право не требует, чтобы встречное предоставление было эквивалентно (толкование 2 к ст. 25 Закона 1872 г.), однако подобная соразмерность позволяет судам оценить добросовестность и осознанность сделки. Это крайне важно для защиты сторон от принуждения, заблуждения или недобросовестного влияния (что, по мнению автора, не встает на пути у майнера к первой добытой монете, при этом в мировых СМИ не выявлены случаи принуждения к майнингу обывателей без специальных вычислительных машин).

Также для исследования особо важным является решение Верховного суда Индии в деле *Aloka Bose v. Parmatma Devi*: (2009) 2 *SCC* 582, в котором закрепляется, что при отсутствии в законе специальных требований о письменной форме даже устное соглашение признается действительным. При этом подписанный одной стороной документ признается достаточным доказательством. Применительно к сети Биткоин это снимает возражение, которое обычно выдвигается интуитивно: отсутствие подписей нод/майнеров под протоколом не порочит договорную связь, поскольку индийское право прямо связывает ее возникновение с акцептом и приступлением к исполнению, а не с формальным подписанием бумажного документа всеми участниками синими гелевыми ручками. Более того, индийское право исторически предлагает более широкую и комфортную интерпретацию встречного предоставления, ведь оно может выражаться и в виде некой общей «экономической выгоды» в достаточно широком ее толковании, в том числе и в случаях, если встречное удовлетворение предоставляется третьим лицом или даже вытекает из поведения сторон [16].

Ключевое значение здесь имеет формулировка самой ст. 2(d) Закона 1872 г.: встречное предоставление может исходить не только от получателя обещания, но и от любого иного лица («the promisee or any other person»). Именно на этом положении построено фундаментальное дело *Chinnaya v. Ramayya*: (1882) 4 *Mad* 137, в котором предоставление, исходившее от лица, не являвшегося стороной спорного обещания, было признано достаточным. Тем самым индийское право прямо отступает от английского правила «consideration must move from the promisee». Было бы, однако, ошибкой воспринимать индийское послабление как некую местную самовольность, отклоняющуюся от «подлинного» духа динамики развития общего права. Правило о том, что встречное предоставление должно исходить непосредственно от стороны, которой дано обещание (*promisee*), само по себе больше не является аксиомой мировых доктрин, от которой общее право старается отступать, особенно когда речь заходит об оборотоспособном инструменте или защите интереса третьего лица. В Соединенных Штатах отступление даже нормативно закреплено: *Restatement (Second) of Contracts* в п. 4 § 71 прямо допускает встречное предоставление как от получателя обещания, так и от любого иного лица, а почву для этого подготовило еще дело *Lawrence v. Fox*: (1859) 20 *N.Y.* 268. Более того, даже само английское право иногда готово отступать от этого требования для оборотоспособных обязательств, в частности долговых. Так, согласно п. 2 ст. 27 и 28 английского *Bills of Exchange Act* 1882 г. векселедатель всё равно считается обязанным лицом перед текущим держателем, хотя тот мог

ничего не предоставлять лично и всё равно имел право осуществлять права по документу (https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/45-46/61/section/27). Индийским аналогом выступают ст. 43 и презумпция ст. 118(a) Закона об оборотных документах 1881 г. Таким образом, английское право отказалось от жестких правил касаемо источника встречного предоставления именно в сфере регулирования обращающихся инструментов. Причем данная сфера находится в неразрывной связи с обращением цифровых монет в блокчейне.

В рамках зонтичных соглашений суть встречного предоставления состоит именно во взаимной связанности сторон правилами, которые регулируют будущее исполнение сделок, а не просто в получении имущественной выгоды. Природа таких обязательств является условной, т. к. стороны рамочного договора, как правило, не берут на себя обязательства в дальнейшем заключать сделки, однако явно обязаны следовать согласованным правилам. Вышеописанная конструкция непосредственно применима к сети Биткоин. Согласно индийскому праву, в подобном рамочном договоре встречное предоставление может возникнуть из самого факта односторонней оферты соблюдать предложенные условия в будущем, что, с учетом всех технических особенностей, полностью соотносится с классификацией Биткоина в качестве организационного договора. Присоединяясь к консенсусу, ноды и майнеры не берут на себя обязательства обрабатывать транзакции пользователей и осуществлять майнинг — этот факт сближает их с положением сторон зонтичного соглашения, у которых по общему правилу так же отсутствует обязанность заключать дальнейшие договоры. Содержанием же их обязательств является не сам процесс добычи, а ее выполнение строго по заранее согласованному консенсусу. Данное условное обязательство как раз и представляет собой встречное предоставление, при этом правильность исполнения конкретизирующей сделки гарантируется технологически (блок, который не удовлетворяет условиям сети, отклоняется).

Таким образом, правовой анализ индийского договорного права полностью подтверждает правильность квалификации Биткоина в качестве организационного (рамочного) обязательства. Индийская правовая система исторически сложилась под значительным влиянием английского общего права, сохранив при этом общие институты встречного предоставления, определимости условий будущих договоров и толкования волеизъявления сторон. Это означает, что выводы, сделанные на основе анализа индийского законодательства и судебной практики, с неизбежностью станут релевантны и полезны для других юрисдикций общего права, включая Великобританию, Австралию, Новую Зеландию, Канаду, США, Сингапур, Гонконг, Филиппины и т. п., а также международные цифровые хабы (например, в Дубае и Казахстане), использующие общее право для построения крипторегулирования. Универсальность требований к действительности контракта в общем праве позволяет экстраполировать предложенную модель индийского зонтичного соглашения на иные прецедентные правопорядки, что особенно важно в условиях глобального характера криптовалютных отношений вне государственных границ и преград. Кроме того, предложенная автором классификация цифровых валют как *chose in action* в виде контрактной связи по форме зонтично-рамочного соглашения не требует радикального пересмотра многовековых устоявшихся правовых традиций, а напротив, опирается на проверенные временем постулаты с прицелом на стабильность правоприменения в судах общего права на всей планете.

Заключение

Проведенное исследование полностью подтвердило гипотезу о классификации Биткоина в качестве *chose in action*, при этом определив конкретный вид договорной связи — рамочное (зонтичное) соглашение. Идея, которая изначально разрабатывалась применительно к континентальному праву, прошла проверку соответствия нормам прецедентной правовой системы, отличающейся принципиально иным подходом. Стоит отметить, что при переносе гипотезы в рамки семьи общего права не произошло ее изменения, т. к. она полностью отвечает требованиям индийского права. Это, в свою очередь, говорит о том, что первоначальная классификация является полностью корректной, ведь иначе она бы не выдержала смены правовой системы.

В ходе правового анализа удалось полностью устранить три ключевых возражения, которые обычно выдвигаются в рамках общего права: неопределенность существенных условий, отсутствие намерения создать правовые отношения и порок встречного предоставления. Также особое внимание было уделено разграничению категорий *binding* и *enforceable*: если стороны не желают и не собираются обращаться в суд для обеспечения исполнения заранее согласованных обязательств, а само исполнение уже гарантировано технологически — это не является пороком договорной связи.

Историко-правовой анализ показал, что процесс развития оборотоспособных инструментов последовательно приводит к логичному итогу — появлению такого инструмента, который сочетает в себе и имущественный и процедурный элементы. Подобным качественно новым этапом как раз и является Биткоин, впервые реализовавший возможность самодостаточно гарантировать надлежащую исполнимость обязательств.

Полученные в ходе исследования выводы одинаково применимы ко всем национальным прецедентным системам права, что означает возможность использования предложенной квалификации в качестве доктринального ориентира для судов и законодателей при разрешении криптовалютных споров и принятии специального законодательства. Данный инструмент предоставляет судье готовые решения по применению правил толкования воли сторон, институтов добросовестного приобретателя, механизмов распределения рисков и ответственности, предварительных мер обеспечения, разворота бремени доказывания и т. д.

В конечном итоге главная цель состоит в выработке единого понимания правовой природы цифровых валют, определение которой не зависело бы от применяемой юрисдикции. Для глобальной блокчейн-технологии такое единство является не просто академической дискуссией, а основой для правовой определенности в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Chan T. The nature of property in cryptoassets // Legal Studies. 2023. Vol. 43. Iss. 3. Pp. 480—498. DOI: 10.1017/lst.2022.53.

2. Walters R., Zeller B., Atherton M. Crypto-Assets and Property Law: Emerging Challenges in International Trade and Investment // American Journal of Science, Engineering and Technology. 2025. Vol. 10. Iss. 4. Pp. 185—195. DOI: 10.11648/j.ajset.20251004.13.

3. Low K. F. K. Bitcoins as property: Welcome clarity? // Law Quarterly Review. 2020. Vol. 136. Iss. 3. Pp. 345—350.

4. Khatavkar P. M. Digital Assets And Proprietary Rights: A Cross-Border Study Of Cryptocurrency As Property In Comparative Jurisprudence // Indian Journal of Law and Legal Research. 2026. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 3533—3546.

5. Alcolea L. C., Mihal J. The tiptoe to crypto: An analysis and account of property in cryptocurrency // Common Law World Review. 2025. Vol. 54. Iss. 1. Pp. 43—69. DOI: 10.1177/14737795241287556.

6. Otabor-Olubor I. Property Rights, Money and the Future of Cryptocurrency // International Journal of Digital Law and Governance. 2025. Vol. 2. No. 2. Pp. 253–287. DOI: 10.1515/ijdlg-2025-0011.

7. Yuan B. Cryptocurrencies Are Objects Of Property Rights // Law and Economy. 2023. Vol. 2. No. 4. Pp. 1—8. DOI: 10.56397/le.2023.04.01.

8. Rosenswig R. M. Ancient Tally Sticks Explain the Nature of Modern Government Money // Journal of Economic Issues. 2025. Vol. 59. Iss. 3. Pp. 663—685. DOI: 10.1080/00213624.2025.2533734.

9. Bassan F., Rabitti M. From smart legal contracts to contracts on blockchain: An empirical investigation // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 55. Art. 106035. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106035.

10. Garay J., Kiayias A., Leonardos N. The Bitcoin Backbone Protocol: Analysis and Applications // Journal of the ACM. 2024. Vol. 71. No. 4. Art. 25. DOI: 10.1145/3653445.

11. Blockchain: A Crypto-Intensive Technology—A Comprehensive Review / M. I. Sarwar, L. A. Maghrabi, I. Khan et al. // IEEE Access. 2023. Vol. 11. Pp. 141926—141955. DOI: 10.1109/ACCESS.2023.3342079.

12. De Filippi P., Loveluck B. The invisible politics of Bitcoin: Governance crisis of a decentralised infrastructure // Internet Policy Review. 2016. Vol. 5. Iss. 3. Pp. 1—28. DOI: 10.14763/2016.3.427.

13. Zhu W. Introduction and analysis of bitcoin-based blockchain technology principle // Applied and Computational Engineering. 2023. Vol. 14. Pp. 31—38. DOI: 10.54254/2755-2721/14/20230755.

14. Cong L. W., He Z. Blockchain Disruption and Smart Contracts // The Review of Financial Studies. 2019. Vol. 32. Iss. 5. Pp. 1754—1797. DOI: 10.1093/rfs/hhz007.

15. Borowicz M. K. Contracts as regulation: the ISDA Master Agreement // Capital Markets Law Journal. 2020. Vol. 16. Iss. 1. Pp. 72—94. DOI: 10.1093/cmlj/kmaa026.

16. Аквароне Л. Индийский закон о контрактах — доктринальные основания и прецедентное право // Правоведение. 2024. Т. 68. № 1. С. 26—35. (На англ. яз.) DOI: 10.21638/spbu25.2024.102.

REFERENCES

1. Chan T. The nature of property in cryptoassets. *Legal Studies*. 2023,43(3):480—498. DOI: 10.1017/lst.2022.53.

2. Walters R., Zeller B., Atherton M. Crypto-Assets and Property Law: Emerging Challenges in International Trade and Investment. *American Journal of Science, Engineering and Technology*. 2025,10(4):185—195. DOI: 10.11648/j.ajset.20251004.13.

3. Low K. F. K. Bitcoins as property: Welcome clarity?. *Law Quarterly Review*. 2020,136(3):345—350.

4. Khatavkar P. M. Digital Assets And Proprietary Rights: A Cross-Border Study Of Cryptocurrency As Property In Comparative Jurisprudence. *Indian Journal of Law and Legal Research*. 2026,8(1):3533—3546.

5. Alcolea L. C., Mihal J. The tiptoe to crypto: An analysis and account of property in cryptocurrency. *Common Law World Review*. 2025,54(1):43—69. DOI: 10.1177/14737795241287556.

6. Otabor-Olubor I. Property Rights, Money and the Future of Cryptocurrency. *International Journal of Digital Law and Governance*. 2025,2(2):253—287. DOI: 10.1515/ijdlg-2025-0011.

7. Yuan B. Cryptocurrencies Are Objects Of Property Rights. *Law and Economy*. 2023,2(4):1—8. DOI: 10.56397/le.2023.04.01.

8. Rosenswig R. M. Ancient Tally Sticks Explain the Nature of Modern Government Money. *Journal of Economic Issues*. 2025,59(3):663—685. DOI: 10.1080/00213624.2025.2533734.

9. Bassan F., Rabitti M. From smart legal contracts to contracts on blockchain: An empirical investigation. *Computer Law & Security Review*. 2024,55:106035. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106035.

10. Garay J., Kiayias A., Leonardos N. The Bitcoin Backbone Protocol: Analysis and Applications. *Journal of the ACM*. 2024,71(4):25. DOI: 10.1145/3653445.

11. Sarwar M. I., Maghrabi L. A., Khan I. et al. Blockchain: A Crypto-Intensive Technology—A Comprehensive Review. *IEEE Access*. 2023,11:141926—141955. DOI: 10.1109/ACCESS.2023.3342079.

12. De Filippi P., Loveluck B. The invisible politics of Bitcoin: Governance crisis of a decentralised infrastructure. *Internet Policy Review*. 2016,5(3):1—28. DOI: 10.14763/2016.3.427.

13. Zhu W. Introduction and analysis of bitcoin-based blockchain technology principle. *Applied and Computational Engineering*. 2023,14:31—38. DOI: 10.54254/2755-2721/14/20230755.

14. Cong L. W., He Z. Blockchain Disruption and Smart Contracts. *The Review of Financial Studies*. 2019,32(5):1754—1797. DOI: 10.1093/rfs/hhz007.

15. Borowicz M. K. Contracts as regulation: the ISDA Master Agreement. *Capital Markets Law Journal*. 2020,16(1):72—94. DOI: 10.1093/cmlj/kmaa026.

16. Acquarone L. The Indian Contract Act — background and case law. *Pravovedenie*. 2024,68(1):26–35. DOI: 10.21638/spbu25.2024.102.

Статья поступила в редакцию 19.07.2026, одобрена после рецензирования 15.08.2026, принята к публикации 17.08.2026.
The article was submitted 19.07.2026, approved after reviewing 15.08.2026, accepted for publication 17.08.2026.